

Обозр., 1883, № 2 и 7). „Борьба противъ академіи началась въ Парижѣ уже давно“, говоритъ г. Боборыкинъ, и въ доказательство указываетъ на извѣстный романъ Гонкуровъ „Manette Salomon“, гдѣ высказываютъ свои мнѣнія художники 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг.), не сообразивъ, во всегдашнемъ своемъ легкомысліи, что стѣсненія всегда, вездѣ и во всемъ существовали, и сопротивленіе имъ всегда и вездѣ, и у всѣхъ проявлялось, но всякій разъ по особннымъ своимъ причинамъ и на свой особенный манеръ, а поэтому въ этомъ дѣлѣ никакія справки съ другими мѣстами и народами намъ не нужны. Человѣкъ, на котораго насѣлъ ломающій его медвѣдь, кричитъ и защищается не потому, что такъ дѣлали, можетъ быть, раньше его, другіе, — а потому что ему больно и спастись хочется. При этомъ, г. Боборыкинъ горько жаловался на то, что будто-бы „теперь подрывается не только всякая академія, но и всякое систематическое развитіе молодого человѣка подъ руководствомъ учителя“ — обвиненіе, столько же у насъ старинное, какъ и ложное. Никто никогда не нападалъ у насъ на художественное ученіе вообще. Непостижимо, какъ могъ г. Боборыкинъ печатно объявлять, будто по нынѣшнимъ русскимъ понятіямъ, „успѣхи мастерства, колоритъ, рисунокъ, изученіе анатоміи, артистическое воспитаніе, пройденное въ музеяхъ и мастерскихъ Европы—все это не существуетъ“. Во всемъ этомъ кромѣ жалкой клеветы на русскихъ художниковъ и сочувствующихъ имъ критиковъ—ничего нѣтъ. Кто у насъ нападалъ на ученіе, нападалъ всегда только на ученіе „школьное“, которое было и у насъ столько-же нѣтъ и вредно, какъ вездѣ. Конечно, ни одинъ талантливый и умный художникъ, ни одинъ въ самомъ дѣлѣ мыслящій и образованный критикъ никогда не подумаетъ отрицать потребности художественнаго образованія, ученія, ни одинъ еще не приходилъ къ тѣмъ нелѣпымъ безуміямъ, какія приписываетъ имъ г. Боборыкинъ, повидимому, мало понимающій то, что говорится во враждебномъ ему лагерѣ новыхъ русскихъ художниковъ. Никто изъ нихъ никогда не думалъ, что вся Европа ничего не произвела по части искусства кромѣ бездарности и ничтожества: чѣмъ выше человѣкъ надаренъ талантомъ и умомъ, чѣмъ онъ больше понимаетъ въ искусствѣ, послѣ долгихъ годовъ изученія, сравниванья, любованья, размысленія, тѣмъ глубже и больше онъ цѣнитъ великихъ истинныхъ художниковъ прежняго времени, которыхъ, для счастья человѣчества, было до сихъ поръ не мало. Но это еще не резонъ, чтобъ слѣпо и порабски вѣрять во всѣ художественныя славы, какія только существуютъ на Западѣ (иногда совершенно понапрасну) и не смѣть